

Подробно останавливаясь на содержании каждой главы, рецензент отмечает спорные с его точки зрения вопросы, ошибки и упущения. Некоторые его замечания и возражения касаются вопроса формирования латиноамериканских наций (мексиканской, венесуэльской). Известно, что для стран Латинской Америки вопрос этот пока совершенно не разработан. В частности, история формирования венесуэльской нации, как, впрочем, и большинства других, еще не написана. При современном уровне знаний вряд ли можно с уверенностью говорить, что та или иная нация уже сформировалась. В тех случаях, когда полной ясности не было, авторы говорили о тех этнических элементах, из которых слагалось население страны, не делая скороспелых выводов.

Надо сказать, что работа над серией «Народы мира» оказала коллективу Института этнографии неоценимую помощь в выявлении «белых пятен» в этнографической науке. Степень изученности или, вернее, неизученности того или иного вопроса выявилась со всей очевидностью именно при работе над томами серии. В этом отношении подготовка к печати издания, занявшего много сил и времени, послужила стимулирующим толчком к целому ряду новых исследований. Описание этнического состава стран потребовало подготовки подробных карт, составленных в результате огромной исследовательской работы. Теперь эта работа над картами вылилась в создание атласа карт народов мира. Другой круг исследований, отпочковавшихся от многотомного издания, составили труды, посвященные современной культуре и быту различных народов Советского Союза и зарубежных стран. За последние годы вышли в свет и подготавливаются монографии по народам Африки, Океании, Америки, Передней Азии, Сибири, Поволжья. Идея создания историко-этнографических атласов также возникла в значительной степени во время работы над многотомником «Народы мира». При подготовке восточнославянского тома выяснилась необходимость расширения и углубления исследований в области этнографии русского народа. Работа над томом «Народы Америки» помогла выделить в качестве первоочередной задачу изучения формирования латиноамериканских наций. Эта проблематика нашла свое место в семилетнем плане Института в виде серии монографий об отдельных латиноамериканских нациях и сборника, посвященного вопросам этнической консолидации в различных странах Латинской Америки.

В заключение заметим, что деловые отзывы, появившиеся как в советской, так и зарубежной печати, несомненно, окажут коллективу советских этнографов существенную помощь при подготовке следующих томов серии. Что же касается заведомо недобросовестных и враждебных рецензий, написанных с позиций «опровержения» марксизма в этнографии, то они ясно показывают, что Институт этнографии проделал политически важную работу, заставившую ученых — апологетов империализма сплоченным фронтом выступить против первого марксистского этнографического многотомника, посвященного народам мира.

И. А. Золотаревская

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

Организованный в 1946 году сектор этнической статистики и картографии Института этнографии АН СССР зарекомендовал себя исключительно плодотворной деятельностью. Сотрудники сектора составили и опубликовали большое количество этнографических карт: в БСЭ, во врезках к картам различных стран, в учебных атласах, в томах серии «Народы мира», в серии «Очерки общей этнографии» и проч. Без преувеличения можно сказать, что деятельность сектора ознаменовала собой новый этап развития этнической картографии в СССР.

Синтезом работ сектора на данном этапе являются карты отдельных областей и частей света, а также общая карта народов мира.

Уже опубликованы следующие региональные карты:

1. Индии, Пакистана и Цейлона, М. 1 : 5 000 000. Сост. М. Я. Берзина.
2. Стран Индокитая, М. 1 : 5 000 000. Сост. С. И. Брук.
3. Китая, МНР и Кореи, М. 1 : 5 000 000. Сост. С. И. Брук.
4. Африки, М. 1 : 8 000 000. Сост. Б. В. Андрианов.
5. Передней Азии, М. 1 : 5 000 000. Сост. С. И. Брук.

Все эти карты составлены по методу совмещения этнической принадлежности и плотности населения, предложенному П. Е. Терлецким. Каждому народу (или группе близко родственных народов) присвоен определенный цвет, плотность населения показана при помощи различной интенсивности цвета, что достигается путем штриховки различной густоты по белому фону или (для районов с большой плотностью) черной штриховкой по основному цвету. Народы, относящиеся к одной языковой семье обозначены оттенками одного цвета.

По тому же принципу, но с меньшей детализацией, составлена (под общим руководством П. Е. Терleckого) сводная карта народов мира, подводящая итог многолетних работ всех сотрудников сектора.

Составители карт должны были решить ряд сложных вопросов. В числе источников далеко не всегда имеются картографические материалы, часто приходится пользоваться статистическими данными или даже описаниями путешественников, правительственных чиновников и проч. Этнические границы большей частью не совпадают с границами административных и политических делений. Статистические данные приходилось картографически интерпретировать при помощи гипсометрических, геоботанических и иных косвенных данных.

Однако главная трудность состояла не в установлении границ и ареалов народов, а в самом определении понятия «народ». Этнические группировки далеко не стабильны, многие из них находятся на разных этапах консолидации. Очень часто эти проблемы приобретают политическую окраску. Наблюдаются две формально противоположные тенденции искажения действительной этнической структуры. Идеологи колониализма стремятся представить эту структуру в виде большого числа мелких изолированных групп, не способных к самостоятельному развитию вследствие малочисленности каждой из этих групп. Реальные процессы национальной консолидации оставляются при этом без внимания. Буржуазные националисты, наоборот, стремятся создать впечатление этнической монолитности там, где в действительности еще имеются ясно выраженные отличия.

Составители карт исходили из принципов национальной политики социалистических стран, сущность которой заключается в объективной оценке реально существующих отличий.

Родство народов, выражаемое сходными оттенками одного цвета, определено преимущественно по языковому принципу. Галисийцы в Испании обозначены цветом, близким к тому, которым обозначены португальцы, хотя языком культуры у галисийцев является испанский, а национальное самосознание безусловно испанское. Но ирландцы все искажены одним цветом, независимо от языка (у большинства, как известно, английского). Франкоязычные швейцарцы обозначены почти тем же цветом, что и германо-язычные, но в Бельгии валлоны резко отделены от фламандцев. Пигмеи, говорящие на языке банту, показаны особым цветом. Таких отступлений от языкового принципа на картах много, но вряд ли можно поставить это в упрек составителям. Несмотря на огромное значение языка как признака народа бывают все же случаи, когда язык не играет роли в этническом самосознании.

В общем составители стремились показать все реально существующие этнические группы насколько это позволял масштаб.

На карте Индии, Пакистана и Цейлона номерами обозначено 82 народа; на карте Индокитая — 50; Китая, МНР и Кореи — 59; Африки — 289; Передней Азии — 59. На мировой карте номерами выделено 584 народа. В действительности число этнических названий гораздо больше, так как многие родственные группы объединены под одним номером. Племена афганцев и кочевых арабов отмечены надписями на карте, без отражения в легенде.

Карты содержат, таким образом, огромное количество разнообразной информации и далеко превосходят в этом отношении все ранее изданные карты как по отдельным областям так и по земному шару в целом. Авторы стремились показать на картах, не только коренное население, но и пришлое, которое обычно на этнографических картах не обозначается.

Нельзя не признать, однако, что стремление к увеличению информации приводит в ряде случаев к снижению наглядности. Плотность населения обозначается семью ступенями интенсивности цвета. Тем самым интенсивность исключается как способ показа разных народов. Между тем родственные по языку народы должны быть показаны оттенками одного цвета. Однако количество зрительно воспринимаемых оттенков ограничено, что часто ставило авторов и исполнителей карт перед непреодолимыми затруднениями.

На карте Африки, например, автор стремился показать принадлежность большинства народов Центральной и Южной Африки к одной языковой семье (банту) в противоположность огромному разнообразию языков Западного Судана и Гвинейского побережья. Эта задача решена путем обозначения всех народов банту одним цветом. Но разные народы, относящиеся к семье банту, видны только при тщательном изучении карты. Сплошной заливкой одного цвета обозначены территории, заселенные разными народами, но с одинаковой плотностью. На участках с меньшей плотностью разные народы обозначены штриховкой разного направления. Этнические границы народа показаны тонкой черной линией, кроме того имеется название народа или (на небольших участках) его номер по легенде.

В ряде случаев принцип обозначения родственников по языку народов оттенками одного цвета выдержать не удалось вследствие недостатка цветов. Например, на карте Индокитая народы группы таи показаны розовым, лиловым и оранжевым цветом. Это облегчает чтение карты в отношении расселения народов этой группы, но родство их видно только из легенды.

Принцип сочетания показа плотности и этнической принадлежности наиболее эффектно проявился в карте Китая, МНР и Кореи. Большая плотность китайцев ясно

противопоставляется редкому населению Тибета и Монголии. В Синьцзяне ясно видны густо населенные оазисы среди пустыни. Однако тот же эффект был бы достигнут, если бы плотность была обозначена не семью, а всего двумя ступенями. Тогда многие оттенки интенсивности можно было бы использовать для обозначения родственных народов.

Практически, даже имея привычку к чтению карт, рецензируемыми картами приходится пользоваться с карандашом в руках, постоянно сверяясь с легендой.

Картами в качестве учебного пособия, для демонстрации на лекциях и т. п. пользоваться не всегда удобно. Для этих целей нужны более обобщенные обозначения. Однако в качестве источника для составления более наглядных карт по отдельным странам или группам стран, по отдельным народам или группам народов рецензируемые карты представляют огромную ценность.

Г. Ф. Дебеч

ПРОБЛЕМА СОБСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Вопрос об исторической преемственности коллективной и частной собственности на землю у остальных племен на стадии охотничье-собирательного хозяйства дискутируется на страницах американских этнографических изданий в течение почти сорока лет. Эта полемика — одно из проявлений реакции буржуазной науки, направленной внешне против учения Моргана о первобытности, по существу же — против материалистического разрешения проблемы собственности и связанного с этим учения о поступательной смене одних общественно-экономических формаций другими, развитого в трудах классиков марксизма. На основе научно достоверных фактов исторический материализм устанавливает, что одна формация отличается от другой формами собственности на средства производства. В основе первобытнообщинной формации, как известно, лежит коллективная собственность на средства производства, совместный труд и уравнилельное распределение продуктов труда. «Этот первобытный тип коллективной или кооперативного производства, — подчеркивал К. Маркс, — был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства»¹. Развивающиеся позднее из общинной первобытной собственности различные формы частной собственности определяют экономический строй последующих классовых формаций в истории человеческого общества. Отмена частной собственности и обобществление средств производства, достигших небывалого развития, характеризуют социализм как первый этап коммунистической формации.

Поэтому не случайно вопрос о собственности занимает в XX в. одно из центральных мест в борьбе буржуазной идеологии с марксизмом. Политическое значение этой проблемы совершенно откровенно подчеркивалось известным этнографом и главой «культурно-исторической школы» патером В. Шмидтом, писавшим, что частная и коллективная собственность, как две противоположные формы собственности, особенно резко противостоят одна другой в наши дни, «обнажая социальный смысл научных теорий». Проблема собственности, писал он, «является одной из наиболее жгучих проблем современности. Можно с уверенностью сказать, что именно из-за нее весь нынешний мир, если еще не пылает, то во всяком случае горит внутренним огнем»². Этими вводными положениями к своей работе, специально посвященной вопросу о первоначальных формах собственности, В. Шмидт определил место исследований буржуазных ученых, посвященных этой проблеме.

Не случайно также вопрос о происхождении собственности всегда сводится в основном к формам собственности на землю, ибо на всех этапах человеческого общества земля была главным средством производства. Исчерпывающую характеристику значения земли (в широком экономическом смысле) как основного средства производства в первобытную эпоху дает К. Маркс в «Капитале»³.

Как справедливо отмечает в одной из своих работ, посвященных проблеме собственности в первобытном обществе, А. И. Першиц, идея развития частной собственности из претшествующей ей общественной собственности высказывалась в работах европейских философов и историков XVIII и XIX вв. Одни писали об этом в общем философском плане, другие развивали эту идею, привлекая конкретные этнографические и исторические материалы⁴. Но особенно убедительно коллективный характер

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 681.

² W. Schmidt, Das Eigentum auf den ältesten Stufen der Menschheit, Bd. 1, Das Eigentum in den Urkulturen, Münster in Westfalen, 1937, стр. 3.

³ К. Маркс, Капитал т. I, 1950, стр. 186, 187.

⁴ А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе, как основа периодизации его истории, сб. «Проблемы истории первобытного общества», Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. сер., т. LIV, стр. 152.